

© 1992 г. ХОМЯКОВ В.А.

НЕКОТОРЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Цель настоящей работы — сделать определенный шаг в типологическом изучении нестандартной лексики трех индоевропейских языков. В статье предлагается краткая история вопроса и проводится сравнительный структурно-семантический анализ нестандартных разноязычных элементов в словообразовательном и функционально-семантическом аспектах.

В настоящее время после публикации у нас и за рубежом обширных социалингвистических работ, важность и методологическая ценность которых несомненны в развитии социалингвистики как науки, многие вопросы социальной стратификации и функционально-стилистической вариантности языка получили детальное освещение (см. [1—24]). Таким образом, создана солидная база для выявления коммуникативного статуса нестандартной, или просторечной, лексики. Большое количество исследований на материале английского, французского просторечия опубликовано зарубежными социалингвистами [25—39].

Отметим, что в отечественной русистике существуют два взаимоисключающих взгляда на сущность нестандартной лексики: 1) Просторечная лексика относится к лексике литературного языка, так как просторечие понимается как разговорно-бытовая лексика в широком смысле слова. В связи с этим некоторые ученые считают, что просторечие (а) либо тождественно с разговорно-бытовой лексикой, либо является ее частью; (б) входит в лексику литературного языка; (в) противопоставляется диалектной лексике. 2) Просторечие противопоставляется литературному языку и квалифицируется как отступление от общепризнанной литературной нормы, как нелитературная речь. В связи с этим некоторые ученые полагают, что (а) следует различать разговорную лексику литературного языка и просторечие; (б) просторечная лексика остается за пределами литературного языка; (в) просторечная лексика противопоставляется как разговорной и книжной лексике литературного языка, так и диалектной лексике [40—44].

Заметим, что в русистике под просторечие обычно подводят систему фонетических, морфологических, лексических, синтаксических и фразеологических элементов (совокупность явлений всех уровней языка) нелитературной речи, говоров, разговорной речи литературного языка, профессиональной речи, противоречащих литературной норме. Такое понимание просторечия традиционно, разделяют его и отечественные германисты и романисты.

Наше понимание просторечия отличается от традиционного. Мы рассматриваем просторечную лексику как сложную систему, занимающую определенное место в социально-стилистической иерархии компонентов словарного состава национального языка. Нестандартная лексика образует лексическое просторечие, которое понимается как сложная лексико-семантическая категория, т.е. известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, представляющее совокупность социально-детерминированных лексических систем (жаргоны, арго и т.п.) и стилистически сниженных лексических пластов (колло-

виализмы, сленгизмы, вульгаризмы и т.п.), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом и стилистическом аспектах.

Поскольку признаки лексического просторечия маркированы социально и стилистически, оно относится к числу понятий, общих для характеристики социальной и функционально-стилистической вариативности словарного состава национального языка. Нам представляется, что изучение лексико-семантической системы любого национального языка будет адекватным и исчерпывающим только в том случае, если в него входит анализ лексического просторечия. Отметим, что в данной статье не рассматривается лексика локальных диалектов и внелитературного просторечия (или грубого просторечия, по терминологии Ф.П. Филина), под которым обычно понимается набор фонетических, грамматических и лексических неправильностей, характерных для различных неграмотных или малограмотных социальных групп общества [45]. Грубое просторечие можно обнаружить в некоторых социально-этнических диалектах (лондонский кокни или ливерпульский скауз, негритянские говоры в США, парижское или марсельское аргю), а также в локально ограниченных разновидностях полинационального английского языка, которым посвящены обширная научная литература и словари [45—60].

Некоторые исследователи английской разговорной речи полагают, что различительные языковые индикаторы, которые генетически имели чисто социальную природу, в дальнейшем получают определенную стилистическую нагрузку [61—63]; подобное явление прослеживается в русском и французском языках [64—70]. Отсюда можно вывести два понятия: экспрессивное просторечие, являющееся функционально-стилистической категорией в границах литературного языка, и социально-профессиональное просторечие как социально-детерминированную категорию вне границ литературного языка (профессиональные и корпоративные жаргоны, различные аргю, блатная музыка).

Включение аргю и жаргонов как своеобразных социально-замкнутых и кастово-ограниченных микросистем словоупотреблений — социолектов особого функционального назначения — в просторечную незамкнутую систему — вопрос дискуссионный; мы включаем их, исходя из тесной лексико-семантической и этимологической связи арготизмов и жаргонизмов с элементами экспрессивного просторечия: в английских и французских словарях сленга и аргю они обычно фиксируются вместе [53—56, 71—78].

Таким образом, под термин «нестандартные, или просторечные, элементы» подводятся: (а) слова экспрессивного просторечия, входящие в литературный язык как функционально-стилистическая категория; (б) слова социальных диалектов, находящихся вне литературного языка.

Как функционально-стилистическая категория экспрессивное просторечие в абстрактной модели компонентов национального языка занимает, по-видимому, промежуточное положение между лексикой литературного стандарта и нелитературными формами речи. Лексика экспрессивного просторечия отличается от лексики литературного стандарта различной степенью этико-стилистической сниженности — от шутливо-иронической и непринужденной экспрессии обиходного общения до уничижительной экспрессии сугубо фамильярного общения. Заметим, что этико-стилистическая сниженность качественно отличается от бранной и непристойной экспрессии: слова не воспринимаются как вульгаризмы, хотя существуют пограничные случаи, когда многое зависит от сферы употребления того или иного слова, осложненного контекстной семантикой (термин и понятие заимствованы у Г.В. Колшанского [79]).

Экспрессивное просторечие, как оно понимается в статье, имеет определенный коммуникативный статус и включает в себе основные признаки разговорности (Ш. Балли): отражение психологии среднего носителя языка, ситуаций повседневной жизни, спонтанный характер выражения, эмоциональность, конкретность,

образность, фамильярность. Основным признаком экспрессивной лексики выступает эмфаза (эмоциональная, оценочная, аффективная) для создания определенного стилистического эффекта. Отметим, что в русистике употребляют также термины «литературное просторечие», «общелитературное просторечие», «лексическое просторечие», «просторечный интердиалект», «жаргонизированное городское просторечие» и др.; в англистике, пожалуй, это общий сленг (general slang), в романистике — арг (argot).

Социальные диалекты образуют сложный и многослойный компонент национального языка. Этот компонент можно теоретически определить как социально-профессиональное просторечие. Лексика этого просторечия всегда профессионально или социально детерминирована — этот основной признак отличает ее от лексики экспрессивного просторечия и литературного стандарта. В структуре национального языка при его социально-стилистической дифференциации социально-профессиональное просторечие находится, по-видимому, между экспрессивным просторечием литературного языка и внелитературными формами речи (территориальными диалектами, городскими говорами, социо-этническими полудиалектами, грубым просторечием).

Теоретическая трактовка экспрессивного и социально-профессионального просторечий зависит от традиций той или иной лингвистической школы. Существуют концепции просторечия, взаимно исключаящие друг друга, много принципиальных вопросов до сих пор не получили решения. Однако сейчас вряд ли кто-либо будет оспаривать положение, что экспрессивное просторечие и социальные диалекты — это категории, которые присущи всем национальным языкам как социально-коммуникативным системам. Более того, лингвисты находят в нестандартных формах языка своеобразное качество нормативности. Нормативность является имманентным свойством всех компонентов языка. Это положение справедливо для социальных диалектов и экспрессивного просторечия, которые представляют собой не отклонения от кодифицированной стилистической нормы, но сложные стратифицированные структуры с общественной релевантностью и собственными нормами — нормами второго уровня (термин и понятие заимствованы у М.М. Маковского [80, 81]).

Нестандартные элементы обладают специфическими чертами, которые можно выявить при их сопоставлении с элементами литературного стандарта — кодифицированной подсистемы национального языка с престижной стилистической нормой (нормой первого уровня).

Занимаясь сопоставительным анализом нестандартных элементов на материале русского, английского и французского языков, мы обнаружили идентичные явления в словообразовании и в функционально-семантических связях данных слов с элементами литературного стандарта. Подобные явления предлагается считать типологическими признаками просторечной лексики.

Эмпирический материал дает основание говорить о двух классах нестандартных слов — формально мотивированных и немотивированных. В статье под формально мотивированными элементами понимаются слова с фонетической или морфологической мотивированностью, или отмеченностью. Мотивированные слова возникают, в частности, как результат своеобразного словотворчества, языковой игры, контаминации внешней формы слов, присущих только просторечному формообразованию (отметим, что в работе не анализируются продуктивные модели словосложения и словопроизводства, общие для литературного стандарта и просторечия).

Среди русских студенческих корпоративных жаргонизмов мотивированными элементами выступают формальные модификации: лексические конденсаты с определенной деривацией (преимущественно от основы имени прилагательного) — *безнадега* «безнадежное положение», *наивняшка* «наивный человек», *хитрован* «хитрый человек», *зачетка* «зачетная книжка», *курсовик*, *курсовичка* «курсовая работа», *лаба* «лабораторная работа», *студик* «студенческий билет», сокраще-

ния — *абитура* «абитуриент, абитуриентка», *невзра* «невзрачный, плохой», *общага* «общешитие», *стипеша* «стипендия»; иноязычные заимствования (английские, немецкие, французские) в русском оформлении — *герла* «девушка», *фани* «развлечения», *мани* «деньги», *пиплы* «люди», *дринкать* «пить», *раухен* «курить», *папахен* «отец», *мамахен* «мать», *парлекать* «говорить», *диспарючнуться* «исчезать» — ср. англ. *girl, fun, money, people, drink*; нем. *rauchen*. *Parachen, Matachen*; франц. *parler, disparaître*; заимствования из воровского аргю, других жаргонов — русск. *бацать* «танцевать», *водило* «шофер», *кир* «выпивка», *кирять* «выпивать», *клевета* «что-то отличное», *косуха* «1000 рублей», *мокасы* «туфли», *надыбать* «увидеть», *смуь* «глупое положение», *стремный* «лучший», *туфта* «дрянь, подделка», *туфтить* «подделывать», *хилать* «ходить», *чувак* «парень», *чувиха, чуха* «девушка» и другие мотивированные элементы с несистемными деформациями, например, *бизик* «спекулянт», *кабактерий* «ресторан», *рубон* «еда», *вышибон* «последний танец в ресторане», *долбан* «окурюк», *мордогляд* «зеркало», *подсевайло* «осведомитель» и т.д. Наконец, можно выделить просторечные образования без деформации общепринятой внешней формы слова — *опунеть*, *офонареть* «одуреть», *кадриться*, *кадрить* «знакомиться», *кайфовать*, *кайфануть* «отлично провести время» и т.д.; а также варианты ряды — *кадра, кадрица, кадришка* «девушка», *клевета, клеветина, клеветица* «нечто превосходное», *мара, Марта, Марьяна* «женщина», *реча, речуза* «речь» и т.д. Такие вариационные ряды встречаются в английском и французском просторечиях, например, англ. *stoolpigeon* — *stool, stoolo, stooly, stoolie, stoolila* «осведомитель, доносчик»; франц. *cloche, clodo, clochard, clodoche, clodomir* «бр-одяга». По-видимому, здесь можно говорить о дериватах с суффиксами стилистической модификации. (Термин «вариантный ряд» заимствован у Н.Н. Семенюк [82].)

Типичные для английского экспрессивного просторечия и социальных диалектов мотивированные словообразовательные модели представляют довольно разнообразную картину: некоторые из них не находят параллелей в литературном стандарте, другие рассматриваются как непродуктивные или окказиональные, третьи трактуются как примеры индивидуального словотворчества. Так, в британском просторечии прошлого века можно обнаружить морфологически мотивированные, локально отмеченные (Лондон) и профессионально детерминированные образования, которые традиционно подводят под термины «обратный сленг», «срединный сленг». Их формальная мотивированность создается приемами скрытия формы (звучания), что свойственно искусственной криптологии. Сущность обратного сленга заключается в создании фонетических перевертышей, например, *dab (had)* «плохой» *cool (look)* «смотри!», срединного сленга — в расчленении слов пополам на гласном или дифтонге и перестановке частей слова: *eetswe (sweet)* «сладкий», *oolfoo (fool)* «дурак» и т.п. Обратный и срединный сленги по своим структурным и функциональным особенностям подобны некоторым образованиям, существующим в русском и французском языках.

Среди морфологически и фонетически мотивированных редупликативов в зависимости от строения выделяем рифмованные образования с тем же корневым гласным — *chin-chin* «болтовня», *flub-dub* «бестолочь» и образования с аблаутом — *flim-flam* «обман», *mish-mash* «беспорядок» (ср. русск. *трали-вали, тары-бары, шуры-муры* и т.п.). В американском просторечии существует особый прием экспрессивного словообразования при помощи пейоративной фонестемы, которая присоединяет к слову экспрессивный компонент, не функционирующий в языке как слово, например, *actor-schmactor* «паршивый актер», *picture-shmicture* «жалтурная картина» (ср. русск. *танцы-шманцы, танцы-обжиманцы* [83, 84]).

Среди морфологически мотивированных слов следует отметить группу дериватов, образованных при помощи иноязычных суффиксов, функционирующих как производные только в просторечии, особенно в американском ареале. Мотивированность заключается в необычности сочетания основы с «экзотическим»

суффиксом, что вызывает в плане содержания у этих дериватов коннотацию с различными экспрессивно-оценочными оттенками, например, *hot-dogatorium* «сосисочная», *bobateria* «дамский салон», *flopperoo* «провал, неудача», *feeblo* «идиот», *lookerino* «красотка», *tuggola* «отъявленный дурак», *no-goodnik* «бестолочь, неудачник» и т.д. (ср. русск. *кабактерий* «ресторан», *бабёз* «девочки» и т.п.).

Особый случай мотивированного словообразования представляют собой просторечные слова-спайки, стяжения и сокращения. Эти слова, подобно русским конденсатам, выступают вместо семантически сокращенных конденсируемых словосочетаний, однако способ их образования совершенно иной. Так, в англоязычном студенческом жаргоне существуют слова-спайки типа *brunch* (*breakfast and lunch*) «завтрак и ланч», *brupper* (*breakfast and supper*) «завтрак и ужин», *tunch* (*tea and lunch*) «чай и ужин»; стяжения — *ganguage* (*gang + language*) «жаргон шайки», *awkword* (*awkward + word*) «неуместное слово», *alcoholiday* (*alcohol + holiday*) «любой праздник с вином»; сокращения — апокопы: *cerf* (*certificate*) «диплом», *ref* (*referee, reference*) «характеристика», аферезис: *fume* (*perfume*) «духи», *gram* (*telegram, radiogram*) «телеграмма, радиограмма»; синкопа и смешанные типы сокращений: *bacty* (*bacteriology*) «бактериология», *telist* (*telegraphist*) «телеграфист», *fess* (*professor*) «профессор», *tec* (*detective*) «сыщик». (Ср. русск. *маг* «магнитофон», *мелик* «телевизор», *госы* «государственные экзамены», *завмаг* «заведующий магазином», *помреж* «помощник режиссера», *стройбат* «строительный батальон», *старлей* «старший лейтенант» и многие другие образования, характерные для экспрессивного просторечия и социальных диалектов.) Следует отметить еще один способ сокращения слов, внешне напоминающий апокопу, так называемое «обратное разложение», или «обратное словообразование» (другие термины: «ложная десуффиксация», «обратная деривация»), например, англ. *bish* (*serve as a bishop*) «служить епископом, иметь сан епископа», *janit* (*work as a janitor*) «работать дворником, сторожем», *peeve* (*to be peevish* «annoys») «надоедать, раздражать, сердить» и т.п. Доказано, что сокращения разных типов более характерны для американского варианта, чем для британского варианта полинационального английского языка [85—89].

В английском экспрессивном просторечии и социальных диалектах существуют другие типы мотивированных образований, которые вряд ли поддаются какой-либо классификации, например, такие члены синонимического ряда со значением «деньги», как *do-di-o-do*, *geetus*, *mica*, *moola*, *oof*, *pazaza*, *spondulix* (ср. русск. арготические термины со значением «деньги» — *башили*, *пенёзны*, *канты*, *сара*, *форс*, наряду с иноязычными заимствованиями — *пиастры*, *рупи*, *тугрики*, *баксы*, *капюра*, *драйка* и т.п.).

Эти же процессы образования мотивированных элементов можно проследить в лексической системе французского просторечия, традиционно подводимого под термин «арго» [90, 91, 24—29].

Среди арготизмов выделяются элементы с перестановкой слогов и реликтовыми суффиксами (старое арго мясников) — *laubé* (*beau*) «красивый, отличный», *à loilpé* (*à poil*) «шерсть, масть животного», *louf* (*fou*) «шалой, сумасшедший», *loirepem* (*poire*) «груша», *laranqué* (*quarante*) «сорок» и т.п. В арго засвидетельствованы образования, сходные по структуре с английским срединным сленгом — *refra* (*frère*) «брат», *rema* (*mère*) «мать», *niefor* (*fourneau*) «печь, плита», *tago* (*goutte*) «подагра», *berecat* (*cabaret*) «кабачок» и т.п. Близок к обратному сленгу так называемый «верлан» (*vers-l-en*) — ср., например, *dreaupèr* (*perdreau*) «полицейский», *brelica* (*calibre*) «револьвер», *vers-l-en* (*l'envers*) «наизнанку». Заметим, что искусственная криптология — довольно распространенное явление во французском арго [92].

Редупликативные образования также характерны для арго. Ср., например, франц. *cusi* «глупый», *bla-bla*, *bla-bla-bla*, *patati* (*et*) *patata* «болтовня, многословие» (русск. *тары-бары-пастабары*) и англ. *coo-coo*, *blah-blah*, *yatata-yatata* с теми же значениями; франц. *fla-fla* и англ. *slim-flam* «обман». Из дериватов с арготическими суффиксами укажем на суф. *-ouse*, например, *piquouse* (*piqure*) «укол», *partouse*

(partie) «часть, партия», *barbouse* (barbe) «борода», *bagouse* (bague) «кольцо» и т.п. Продуктивным способом словообразования выступают апокопы и афerezы — *apéro* (apéritif) «аперитив», *bif* (bifteck) «биштекс», *diam* (diamant) «алмаз, диамант», *der* (dernier) «последний, прошлый», *Amérlo*, *Amérlock*, *Amérlot* (*Américian*) «американец», *anar*, *anarcho* (anarchiste) «анархист», *pitaine* (*capitaine*) «капитан», *ciraux* (*municipaux*) «городские», *Ricain* (*Américain*) «американец» и т.п.

Как и среди русских и английских нестандартных элементов, во французском арго встречаются различные несистемные деформации слов, например, *colback*, *coltin* (cou) «шея», *mistoufle* (misère) «нищета», *neuille*, *noie* (nuit) «ночь» и т.д. К немотивированным элементам следует отнести также все исконно арготические образования со значением «деньги», как *artiche*, *aspine*, *carme*, *fric*, *galtouse*, *picaillons*, *pèze*.

Итак, во всех трех языках можно выделить нестандартные слова определенных словообразовательных моделей, характерных для каждого языка, но типологически сходных, отсюда — существование класса формально мотивированных элементов.

Другой основной класс нестандартных элементов составляют немотивированные формально слова, т.е. слова литературного стандарта, в которых, однако, наблюдаются метафорические, метонимические и другие семантические сдвиги. При этих сдвигах перенос обычно создает добавочную коннотацию — шутливое или пейоративное отношение к обозначаемому процессу, явлению или объекту. Заметим, что степень пейоративности довольно высока в современных молодежных жаргонах вообще. Таким образом, пейоративная экспрессивность преимущественно нейтральных слов литературного стандарта вызывает к жизни просторечные лексико-семантические варианты, которые выводят эти структуры за пределы литературного стандарта, связывая его с экспрессивным просторечием или с социальными диалектами на функционально-семантическом уровне. Представляется, что просторечные лексико-семантические варианты возникают в результате особой природы языкового знака, который, по образному выражению А.Ф. Лосева, «необходимейшим образом оказывается заряженным бесконечными семантическими возможностями» ([93], ср. [94]). Такой семантический заряд позволяет говорящим находить выразительные средства обозначения процессов, явлений и объектов повседневной жизни, избегать речевого конформизма и штампов.

В списке русских студенческих жаргонизмов формально немотивированными элементами являются *батон*, *крошка*, *мочалка* «девушка», *грести*, *сечь* «понимать», *тянуть* «уметь», *загреметь* «быть отчисленным», *кадр* «парень», *капуста* «деньги», *кобра* «злая женщина», *поплавок* «шпаргалка», *скачки* «танцы», *волонтер* «студент, отвечающий по желанию», *еретик* «строгий преподаватель, экзаменатор», *редиска*, *хорек*, *шакал* «плохой человек», *вырубить* «провалить на экзамене», *завернуть* «заставить сдать экзамен повторно», *заливать* «умело лгать», *штука* «единственный парень в группе» и т.д.

Те же семиологические механизмы работают при образовании английских формально немотивированных нестандартных элементов. Ср., например, просторечный лексико-семантический вариант «лицо» в смысловых структурах нейтральных слов *clock* «часы», *dial* «циферблат», *dish* «тарелка», *front*, *frontage* «фасад», *gills* «жабры», *index* «индекс», *mask* «маска», *map* «карта», *pan* «сковородка», *portrait* «портрет», *signboard* «вывеска» и т.п. (Ср. с тем же значением в русском студенческом жаргоне *афиша*, *будка*, *вывеска*, *карточка*, *колодка*, *портрет*, *циферблат*.)

Подобное явление прослеживается и при образовании французских формально немотивированных нестандартных элементов. Так, например, просторечный лексико-семантический вариант «деньги» входит в смысловые структуры нейтральных слов *balle* «мячик, пуля, тюк», *beurre* «сливочное масло», *blé* «зерно», *braise* «тушеное мясо», *brique* «кирпич», *douille* «муфта, наконечник», *feraille*

«железный лом», *galette* «галета, лепешка», *oseille* «щавель», *plâtre* «гипс, штукатурка», *radis* «редиска» и т.д. (Ср. в русском воровском аргю «деньги»: *дубы, колы, кости, фисташки, шмели.*)

Таким образом, все множество русских, английских и французских нестандартных элементов в зависимости от приемов словосоздания распадается на два подмножества — формально мотивированное и немотивированное. Существование таких подмножеств мы будем считать типологическим признаком просторечного лексикона данных языков.

При сопоставлении смысловых структур русских, английских и французских нестандартных и стандартных элементов можно проследить две корреляции (связи) и четыре типа зависимостей. Среди корреляций различаем функциональную и семантическую. Под функциональной корреляцией понимается способность нестандартных элементов входить в синонимический ряд и функционировать в качестве вторичных (релятивных) наименований стандартной доминанты ряда. Способность данных элементов как просторечных лексико-семантических вариантов входить в смысловые структуры нейтральных слов мы будем рассматривать как их семантическую корреляцию. При этом возможны три случая: (а) наличие функциональной и семантической корреляций, (б) одной из них, (в) их отсутствие. Согласно наличию/отсутствию корреляций и формальной мотивированности/немотивированности можно выделить четыре основных типа нестандартных элементов в русском, английском и французском языках. В основу предлагаемой классификации положен признак наличия или отсутствия синонимических связей между просторечной и литературной лексикой.

Первый тип — по нашей терминологии, связанные аналоги, или связанные синонимические элементы — это релятивные единицы с двойной (функциональной и семантической) корреляцией. Речь идет о социально и стилистически маркированных синонимах к словам и словосочетаниям литературного стандарта, расширяющих синонимические ряды языка и образующих социально-стилистические парадигмы. Связанные аналоги, значение которых актуализируется только в синтагме, входят на правах социально-семантических вариантов в смысловые структуры литературного стандарта в результате семантической деривации. Так, например, из приведенных выше русских жаргонизмов к этому типу принадлежат: *батон, крошка, мочалка, грести, сечь, тянуть, капуста, поплавок, скачки, афиша, будка, вывеска, карточка, колодка, портрет, циферблат, дубы, колы, кости, фисташки, шмели.* Из английского иллюстративного материала связанными аналогами являются исходные нейтральные слова с просторечным лексико-семантическим вариантом «лицо» — *clock, dial, dish, front, frontage, gills, index, map, mask, pan, portrait, signboard*; из французского материала — исходные нейтральные слова с просторечным лексико-семантическим вариантом «деньги» — *balle, beurre, blé, braise, brique, douille, ferraille, galette, oseille, plâtre, radis.* Только в синтагматике, на уровне речевой реализации снимается семантическая двусмысленность подобных лексем, когда экстралингвистическая ситуация и лексико-синтаксический контекст актуализируют одно из переносных значений (речь идет в основном о метафорических и метонимических переносах); например: «Впоследствии обнаружилось, что ему надуло *фотографическую карточку*, и три недели от ходил с *флюсом*» (М. Зощенко. Гости); «Побили его даже там за что-то такое. Вернулся назад — не узнать. *Карточку* во как раздуло на правую сторону» (М. Зощенко. Чудный отдых). Связанные аналоги характеризуются двойной связью: (а) семантической — связью нестандартного элемента как просторечного лексико-семантического варианта с другими вариантами в смысловой структуре многозначного слова; (б) функциональной — связью нестандартного элемента как стилистического или социально детерминированного синонима с нейтральной доминантой и другими стандартными членами синонимического ряда.

Второй тип — свободные аналоги, или свободные синонимические эле-

менты, — это релятивные единицы с функциональной корреляцией, которые возникают в речи не в результате обычной для просторечия семантической деривации, а на основе своеобразного словотворчества (формообразования и словосложения), характерного иногда только для просторечия и социальных диалектов. Поэтому, будучи формально мотивированными, свободные аналоги не входят в смысловые структуры нейтральных слов и принадлежат только экспрессивному просторечию или социальным диалектам. Именно этим свободные аналоги отличаются от связанных, поскольку просторечная единица в этом случае репрезентируется просторечным словом, а не просторечным лексико-семантическим вариантом литературной лексики. Обычно они имеют ингерентную коннотацию, т.е. не зависящую от контекстной семантики (текстовых связей слова и ситуации общения), например: «Гера сказал, что фильм *туфта* — я не пойду» (Ю. Трифонов); «*Менты* на зоне, — вяло пошутил Миша Попов» (С. Каледин. Стройбат). «Привет! — кивнул Костя. — К нам? За *рубоном*?» (С. Каледин. Стройбат). Структурная отмеченность свободного аналога снижает роль контекстуальных связей для актуализации его значения в речевом высказывании. Из русских жаргонизмов к этому типу принадлежат: *абитура, водило, общага, косуха, невзра, стипеша, герла, мани, фани, пиплы, дринкать, парлекать, диспарючиться, раухен, мамахен, папахен, бацать, кирять, мокасы, надыбать, туфта, хлять, чувак, чуха, чувиха, бизик, кабактерий, рубон, вышибон, долбан, мордогляд, подсевайло* и т.д.; вулгаризмы, входящие в синонимический ряд с доминантой «лицо» — *лунетка, мордасы, нософырка, физия* и т.п.

Заметим, что для нестандартного многочисленного синонимического ряда характерно наличие как связанных, так и свободных аналогов, объединенных одним референтом, представленным доминантой ряда — элементом (или элементами) литературного стандарта. Так, например, в синонимический ряд с литературными элементами *лицо, лик, чело* входят связанные аналоги *афиша, будка, вывеска, карточка, портрет, циферблат* и свободные аналоги — *лунетка, мордасы, мурло, нософырка, ряска* и т.п. На три части (литературные элементы, связанные аналоги и свободные аналоги) можно разделить английский и французский синонимические ряды с элементами литературного стандарта «лицо». Ср. в английском: (1) *face, countenance, brow, forehead, physiognomy, visage*; (2) *beak, bow, clock, dial, dish, façade, front, frontage, gills, index, map, mask, mug, pan, portrait, rostrum, signboard*; (3) *beezer, fiz, phiz, kisser, physog, smiler*; французские примеры: (1) *face, visage, figure, front*; (2) *bille, bobine, gueule, museau, portrait, trompette*; (3) *frimousse, margoulette, trogne*. Само собой разумеется, что здесь не приводятся все многочисленные просторечные члены синонимических рядов. Отметим, что в нестандартной лексике можно выделять слово — доминанту синонимического ряда, дублирующее доминанту литературного стандарта. В этом случае просторечный синоним-доминанта иногда переводится в стандартную лексику.

Связанные и свободные аналоги функционируют в разговорной речи не в результате потребности в номинации, а прежде всего из-за желания говорящих выделиться экспрессивно-эмоциональной оригинальностью в обозначении тривиальных предметов и явлений. Данные элементы релятивны, избыточны и факультативны. Они существуют, однако, благодаря своей коннотации и конкурируют с нейтральными эквивалентами в функционально-стилистическом варьировании лексики литературного языка. Несколько иной характер имеют связанные и свободные аналоги жаргонов и аргос преступного мира. Эти элементы не входят в синонимические соотношения в литературном языке и функционируют обычно в социально замкнутых сферах речи. Литературный язык не испытывает давления подобной синонимии, поскольку она остается за его пределами. Конкурентные отношения отсутствуют, хотя подобные элементы проникают иногда в экспрессивное просторечие и тем самым в литературный язык.

Помимо нестандартных аналогов можно выделить слова и словосочетания, значения которых качественно отличны от аналогов. Эти элементы не получают синонимических толкований в словарях и не входят в синонимические ряды с нейтральной доминантой. Они обозначают специфические понятия, для литературной передачи которых лексикографы вынуждены прибегать к различным приемам описательного толкования. В силу этих обстоятельств нестандартные элементы становятся номинативными единицами национального языка. Если аналоги, дублируя лексику и фразеологию литературного стандарта, увеличивают уже существующие ряды синонимов и легко превращаются в «языковые излишки», которые поэтому и исчезают довольно быстро из употребления, то нестандартные элементы — номинативные единицы с четким коммуникативным содержанием — выступают как «заместители» несуществующих тождественных слов и словосочетаний литературного стандарта. Они нередко переходят в этот стандарт и надолго в нем закрепляются как единственные в национальном языке способы выражения тех или иных эмоционально окрашенных понятий. Такие номинативные единицы мы будем называть универбами (термин заимствован у М.М. Копыленко [94]). Универбы могут быть связанными и свободными.

Связанные универбы (или несинонимические элементы) — это номинативные единицы с семантической корреляцией, обозначающие эмоционально окрашенные и социально детерминированные понятия, для передачи которых в литературном стандарте требуются словарные описания и толкования. Связанные универбы входят на правах просторечных лексико-семантических вариантов в смысловые структуры литературных элементов.

Условия речевой актуализации связанного универба по сравнению со связанным аналогом отличаются тем, что в них значительно более высокую роль играют фоновые знания и ситуация общения. Метафорические и метонимические переносы, ведущие к возникновению связанного универба, обычно имеют взаимопересекающийся, сложный и многоступенчатый характер, скрывающий внутреннюю форму вторичного наименования [62, 95—96].

Так, например, стандартное слово *кобра* «ядовитая змея» — факт национального языка, оно функционирует в литературном стандарте с основным понятийным содержанием, или ядром значения; нестандартное слово *кобра* со словарной дефиницией «злая женщина» получает ядро значения «женщина» и семантико-стилистический компонент «злая». Это тоже факт национального языка. Оно функционирует, однако, или в студенческом жаргоне, или в экспрессивном просторечии, или в воровском аргю. Здесь налицо дополнительная коннотация — «женщина, образ которой имплицитно сравнивается с ядовитой змеей» (со всеми далеко идущими ассоциациями). Эта сложная семантика получает целостное выражение в нестандартном элементе, который приобретает при этом определенную стилистическую и социальную сферу употребления. Именно поэтому в данном типе наиболее явно проявляется семантическая природа нестандартных элементов — номинативных единиц национального языка, для которых обычно характерно сохранение одной или нескольких ассоциативных связей с нейтральным значением. Связанные универбы, подобно связанным аналогам, имеют адгерентную коннотацию, зависящую от экстралингвистической ситуации и лексико-синтаксического контекста. Из русских жаргонизмов к этому типу относятся, например, *загрёмить*, *волонтер*, *еретик*, *редиска*, *хорек*, *шакал*, *вырубить*, *завернуть*, *заливать*, *штука*; из английских элементов приведем — *gondola* («гондола») «угнанный автомобиль», *wildcat* («дикая кошка») «не разрешенная профсоюзом забастовка»; «человек, которого очень легко рассердить», *croc* (сокр. от *крокодил*) «шестые школьные парами»; французскими связанными универбами являются — *baigneur* («купальщик») «нос хронического пьяницы», *presse-papier* («пресс-папье») «толстяк с округлым животом» и т.п.

Наконец, свободные универбы (или несинонимические элементы) — это

номинативные единицы без всяких корреляций с литературным стандартом, обозначающие специфические, социально или стилистически маркированные понятия, для передачи которых в литературном стандарте требуется описательное толкование; вместе с тем будучи формально мотивированными, они не входят в смысловые структуры нейтральных слов и выступают только как слова экспрессивного просторечия или социальных диалектов. Обычно они обладают не зависимой от контекстной семантики ингерентной коннотацией и в этом близки свободным аналогам. Из русских жаргонизмов приведем: *безнадега, наивняшка, хитрован, зачетка, курсовик, лаба, студик, клевета, смурь, вышибон, гось, стройбат, старлей, завмаг, помреж*; из английского иллюстративного материала: *brunch, brupper, tunch, tupper, ganguage, awkward, alcoholiday, bish, janit, peeve, actor-shmactor, picture-shmicture*; из французского аргю: *affranchi* «человек без предрассудков», *morfal* «человек, жадный до еды, веселья и т.п.».

Основное функционально-стилистическое различие между аналогами и универбами состоит в том, что у первых экспрессивное значение (коннотация) доминирует над деноминативным, а у вторых они совмещаются почти на равных основаниях. Наличие четырех типов смысловых структур, согласно которым все множество нестандартных элементов в рамках каждой лексической системы распадается на четыре подмножества: связанные аналоги, связанные универбы, свободные аналоги, свободные универбы, — можно представить как второй типологический признак, характеризующий различные зависимости (корреляции) между элементами литературного стандарта и элементами экспрессивного просторечия и социальных диалектов.

Итак, типологическое сходство разноязычных просторечий заключается в существовании двух классов нестандартных элементов — формально мотивированных и формально не мотивированных, причем в образовании формально мотивированных слов прослеживаются идентичные процессы мотивации формы слова; а также в функционировании свободных и связанных аналогов и универбов [95, 96]. Предполагается, что и в других славянских, германских и романских языках сравнительный анализ выявит те же признаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варианты полинациональных литературных языков. Киев, 1981.
2. Литературная норма и просторечие. М., 1977.
3. Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
4. Вопросы социальной лингвистики. Л., 1968.
5. Онтология языка как общественного явления. М., 1983.
6. Язык и общество. М., 1968.
7. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
8. Русский язык в современном мире. М., 1975.
9. Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.
10. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
11. Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
12. Социально-стилистические исследования. М., 1976.
13. Leith D. A social history of English. London; Boston, 1974.
14. Dillard I.L. Towards a social history of American English, Hawthorne, 1985.
15. Howard Ph. The state of the language. L., 1984.
16. Flexner S.B. Listening to America. N.Y., 1982.
17. The English language today / Ed. by Greenbaum S. Oxford, 1984.
18. Languages in the British Isles / Ed. by Trudgill P. Cambridge, 1984.
19. Readings in the sociology of language / Ed. by Fishman J.A. The Hague; Paris, 1972.
20. Hertzler J.O. A sociology of language. N.Y., 1965.
21. Varieties of present-day English. N.Y., 1973.
22. Mencken H.L. The American language. 4-th ed. N.Y., 1979.
23. Cohen M. Matériaux pour une sociologie du langage. P., 1956.
24. Dauzat A. La langue française d'aujourd'hui. P., 1908.
25. Guiraud P. L'argot. P., 1956.
26. Dauzat A. Les argots. Caractères, évolution, influence. P., 1929.

27. *Grasserie R. de la. Étude scientifique sur l'argot et le parler populaire.* P., 1907.
28. *Niceforo A. La génie de l'argot.* P., 1912.
29. *Riverain J. Chronique de l'argot.* P., 1963.
30. *Hudson K. The jargon of the professions.* L., 1978.
31. *Partridge E. Slang today and yesterday.* L., 1985.
32. *Fasold R. The study of social dialects in American English.* New Jersey, 1974.
33. *Studies in slang.* Pt. 1 // *Forum Anglicum.* 1985. V. 14. 1.
34. *Studies in slang.* Pt. 2 // *Forum Anglicum.* 1989. V. 14. 2.
35. *Comments on etymology.* V. IV—XIX. University of Missouri-Rolla, 1974—1990.
36. *Labov W. The study of nonstandard English.* Champaign, 1970.
37. *Suldn B. Probleme der Argotforschung in Mitteleuropa.* Innsbruck, 1963.
38. *Horn W., Lehnert M. Laut und Leben.* Bd 1—2. B., 1954.
39. *Franklyn J. The Cockney.* L., 1953.
40. *Земская Е.А. Русская разговорная речь // Лингвистический анализ и проблемы обучения.* М., 1979.
41. *Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // ВЯ.* 1973. № 2.
42. *Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие.* М., 1977.
43. *Серебрянников Б.А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* М., 1970.
44. *Лухачев Д.С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка.* М., 1964.
45. *Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // ФН.* 1979. № 2.
46. *Readings in American dialectology.* N.Y., 1971.
47. *Matthews W. Cockney past and present. A short history of the dialect of London.* L., 1938.
48. *Wright P. Cockney dialect and slang.* L., 1981.
49. *Brook G.L. English dialects.* L., 1961.
50. *Kachru B. The English language in India.* Oxford, 1983.
51. *Dillard J.L. Black English.* N.Y., 1973.
52. *Dauzat A. Les argots des métiers franco-provençaux.* P., 1917.
53. *Esnault G. Dictionnaire historique des argots français.* P., 1965.
54. *Sandry G., Carrère M. Dictionnaire de l'argot moderne.* P., 1957.
55. *Green J. The slang thesaurus.* L., 1986.
56. *Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English.* V. 1—2. L., 1963.
57. *A dictionary of South African English.* Cape Town, 1978.
58. *Cassidy G., Le Page R. Dictionary of Jamaican English.* Cambridge, 1980.
59. *Fyle O.N., Jones E.D. A Krio-English dictionary.* Oxford, 1989.
60. *Franklyn J.A. Dictionary of rhyming slang.* L., 1962.
61. *Vachek J. Some less familiar aspects of the analytical trend of English // Brno Studies in English.* 1963.
62. *Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка.* Л., 1985.
63. *Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики.* Горький, 1975.
64. *Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество.* Саратов, 1974.
65. *Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка.* М., 1968.
66. *Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Автореф. дис. ... докт. филол. наук,* М., 1970.
67. *Скворцов Л.И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие.* М., 1977.
68. *Береговская Э.М. Язык художественной прозы и социальный диалект (на материале современной художественной прозы): Дис. ... докт. филол. наук.* М., 1979.
69. *Степанов Ю.С. Основы общего языкознания.* М., 1975.
70. *Cohen M. Matériaux pour une sociologie du langage.* P., 1956.
71. *Hotten J.A. A dictionary of modern slang, cant and vulgar words.* L., 1860.
72. *Baumann H. Londinismen (Slang and Cant).* B., 1902.
73. *Berrey L.V. Van den Bark M. The American thesaurus of slang.* N.Y., 1962.
74. *Dills L. The "official" CB language language dictionary.* Nashville; N.Y., 1977.
75. *Phythian B.A. A concise dictionary of English slang and colloquialisms.* L., 1979.
76. *Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American slang.* N.Y., 1975.
77. *Wilmeth D.B. The language of American popular entertainment: A glossary of argot, slang and terminology.* L., 1981.
78. *Green J. Newspeak: A dictionary of jargon.* L., 1984.
79. *Колианский Г.В. О понятии контекстной семантики // Теория языка. Ангlistика. Кельтология.* М., 1976.
80. *Маковский М.М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология).* М., 1982.

81. *Маковский М.М.* Взаимодействие ареальных вариантов "сленга" и их соотношение с языковым стандартом // ВЯ. 1963. № 5.
82. *Семенюк Н.Н.* Формирование норм немецкого литературного языка первой половины XVIII столетия (на материале периодических изданий): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1973.
83. *Spitzer L.* Confusion schmooshon // JEGPh. 1952. 51, 2.
84. *Stankiewicz E.* Problems of emotive language // Approaches to semiotics. The Hague, 1964.
85. *Ярцева В.Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.
86. *Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.C.* The Barnhart dictionary of New English. 1963—1972. L., 1973.
87. *Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.C.* The Second Barnhart dictionary of New English. N.Y., 1980.
88. *Todd L.* Modern Englishes. L.; N.Y., 1984.
89. *Platt J., Weber H., Ho M.L.* The New Englishes. London; Boston, 1984.
90. *Береговская Э.М.* Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск, 1975.
91. *Grasserie R. de la,* La psychologie de l'argot // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1905. № 60.
92. *Rigaud A.* Vers-le-en et back slang // Vie et langage. 1968. 200.
93. *Лосев А.Ф.* О бесконечной смысловой валентности языкового знака // ИАН СЛЯ. 1977. № 1.
94. *Копыленко М.М.* О семантической природе молодежного жаргона // Социально-стилистические исследования. М., 1978.
95. *Chomjakow W.* Typologische Besonderheiten von Nichtstandardelementen im Englischen, Französischen und Russischen // Wissenschaftliche Zeitschrift [Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg]. 1980. XXX. 3.
96. *Khomiakov V.A.* Two typological features of nonstandard English and Russian vocabularies // The New Zealand Slavonic journal. 1980. № 2.